

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-245-258>

<https://elibrary.ru/NLMFGG>

УДК 82.091

Научная статья / Research Article

This is an open access article

Distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 (CC BY-NC)

МАКСИМ ГОРЬКИЙ КАК ГЕРОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ УТОПИИ ГЕОРГА ЛУКАЧА

© 2023 г. А.И. Жеребин

Аннотация: Статья содержит анализ рецепции творчества Максима Горького в философской эстетике Георга Лукача, крупнейшего представителя неомарксизма в культуре XX века. Теория социалистического реализма, создававшаяся Лукачем в 1930-е гг., в значительной степени опиралась на его интерпретацию произведений русского писателя. В статьях «Освободитель» и «Человеческая комедия предреволюционной России» Лукач подчеркивал ключевую роль Горького в истории современного искусства, видя в нем, с одной стороны, наследника классического реализма XIX века, с другой — завершителя авангардистского проекта.

Ключевые слова: реализм, роман, эпическая тотальность, богостроительство, утопия.

Информация об авторе: Алексей Иосифович Жеребин — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kafedrazar-lit@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2216-6461>

Для цитирования: Жеребин А.И. Максим Горький как герой социально-эстетической утопии Георга Лукача // А.М. Горький в Германии: писатель и его окружение в социокультурном и литературно-медийном пространстве / отв. ред. О.А. Клинг. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 245–258. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-245-258>

MAXIM GORKY AS A HERO
OF THE SOCIAL AND AESTHETIC UTOPIA
OF GEORG LUKÁCS

© 2023. Alexey I. Zherebin

Abstract: The article contains an analysis of the reception of Maxim Gorky's work in the philosophical aesthetics of Georg Lukács, the largest representative of Neo-Marxism in the culture of the 20th century. The theory of socialist realism developed by Lukács in the 1930s relied heavily on his interpretation of Gorky's works. In the articles "The Liberator" and "The Human Comedy of Pre-Revolutionary Russia," Lukács emphasized Gorky's key role in the history of contemporary art, seeing him, on one hand, as the heir to classical realism of the 19th century, and on the other, as the finalist of the avant-garde project.

Keywords: realism, novel, epic totality, god-building, utopia.

Information about the author: Alexey I. Zherebin, DSc in Philology, Professor, Head of Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University, Moika Emb. 48, 191186 St. Petersburg, Russia.

E-mail: kafedrazar-lit@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2216-6461>

For citation: Zherebin, A.I. "Maxim Gorky as Hero of the Social and the Aesthetic Utopia of Georg Lukács." *A.M. Gor'kii v Germanii: pisatel' i ego okruzhenie v sotsio-kul'turnom i literaturno-mediinom prostranstve* [A.M. Gorky in Germany: the Writer and his Environment in the Sociocultural and Literary-Media Space]. Ex. ed. Oleg A. Kling. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 245–258 (In Russian) <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0724-3-245-258>

Особая роль русской литературы была осознана Лукачем задолго до его перехода к марксизму и эмиграции в СССР. В 1910-е гг. — время вступления Лукача в литературу — русская тема служила, как известно, предметом острых философских и эстетических дискуссий, в том числе в Германии и Австро-Венгрии¹.

---

¹ Леман Ю. Русская литература в Германии / пер. с нем. Н. Бахши, А. Жеребин. М.: Яск, 2018. С. 81–162. Дискуссии о русской культуре шли в интеллектуальных кружках Гейдельберга и Будапешта, которые Лу-

Участвуя в этих дискуссиях, Лукач уже в молодости приходит к убеждению, что русские писатели, прежде всего Толстой и Достоевский, завершают многовековую историю развития европейского романа — жанра, отразившего эпоху «трансцендентальной бесприютности»². Литература Запада, полагает Лукач, — не пошла дальше «романа разочарования»³. Она так прочно коренилась в создавших ее социальных структурах, что ускользнуть от них ей удавалось только в форме полемики⁴. Иначе было в России, где критика общества была развернута на фоне «первичного, органически-естественного состояния мира»⁵.

После Тургенева, «еще по-европейски разочарованного»⁶, Толстой создал форму романа, «активно перераставшего в эпопею»⁷, обещавшего прорыв в построманную эпоху новой трансцендентности. В истории жанров признаком этого прорыва является, по Лукачу, возрождение эпоса с присущей ему тотальностью картины мира, в истории реализма — опыт создания «положительной прозы»⁸, где человек больше своей со-

кач посещал в студенческие годы, развертывались на страницах периодических изданий, в одном из которых (выходившем под редакцией Макса Вебера), он рецензировал немецкие переводы сочинений Вл. Соловьева и книгу Томаша Масарика о русской религиозной философии: *Lukács G. [Rez.]. Th. G. Masarik. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. 2 Bde. Jena: Eugen Diederichs, 1913. // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1914. Vol. 38, no. 3. S. 871–875; Lukács G. [Rez.]. W. Solovjeff. Die Rechtfertigung des Guten. Ausgewählte Werke. Bd. 1–2. Jena: Eugen Diederichs, 1916. // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916. Vol. 42, no. 3. S. 978–980.*

² *Lukács G. Die Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophischer Versuch über die Formen der großen Epik. Berlin: Paus Cassirer, 1920. S. 24.* (Первая публикация: *Zeitschrift für Ästhetik und Allgemeine Kunstwissenschaft*, hrsg. von Max Dessoir, 1916). Ср. русский перевод: Опыт историко-философского исследования большой эпики / пер. с нем. Г. Бергельсон // Новое литературное обозрение. 1994. № 9. С. 19–78.

³ *Ibid.* S. 137.

⁴ *Ibid.* S. 158.

⁵ *Ibid.* S. 159.

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.* S. 168.

⁸ У Лукача сказано «положительная форма»; формулу «положительная проза» использует в том же значении, что и Лукач, Н.Я. Берковский (О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. С. 117).

циальной судьбы и меньше своей потенциальной человечности.

Докторская диссертация, задуманная Лукачем накануне Первой мировой войны, должна была называться «Этическое и эстетическое в творчестве Достоевского». Осуществлению этого плана помешала война. В 1915 г. Лукач был призван в армию, но успел написать вводную главу, которая вышла в свет в 1916 г. под названием «Теория романа. Опыт историко-философского анализа большой эпической формы». Это до сих пор одна из самых известных и читаемых работ Лукача. О Достоевском в ней говорится лишь в самом конце, в заключительном абзаце последнего раздела. «Достоевский принадлежит новому миру, — писал Лукач. — Стал ли он Гомером или Данте этого мира? Показать это сможет лишь анализ формы его произведений. И тогда можно будет понять, готовы ли мы выйти из состояния абсолютной греховности или <...> предвестия этого обновления еще столь слабы, что могут быть в любой момент задавлены бесплодными силами наличного бытия»⁹.

Впоследствии Лукач укрепляется в убеждении, что подлинным «прорывом в новую эпоху мировой культуры»¹⁰ следует считать не произведения Толстого и Достоевского, а творчество Максима Горького, «первого классика социалистического реализма»¹¹.

Эпическая тотальность

«Теория романа» представляла собой опыт введения русской темы в контекст идеалистической системы Гегеля. Целью и смыслом истории Гегель провозгласил окончательное возвращение мирового духа к самому себе и переход из царства необходимости в царство свободы. Философия истории Гегеля в полной мере отразилась в его теории эпоса, из которой Лукач усваивает идеал эпической тотальности бытия.

⁹ Lukács G. Die Theorie des Romans. S. 168.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. S. 270.

Вслед за Гегелем Лукач исходит из того, что эпический человек не противопоставляет себя готовому, уже сложившемуся миропорядку, поскольку мир эпоса еще не отвердел в своих очертаниях и представляет собой бытие становящееся, творимое. В этом состоит принципиальное отличие эпоса от романа, эпического героя — от романного. Последнему остается с господствующим миропорядком либо примириться, либо вступить с ним в непримиримый конфликт, между тем как эпический герой осуществляет себя в незавершенной сфере возможного, в сфере героического жизнетворчества. Отсюда его внутренняя свобода и достоинство, своеобразие его личности и величие его подвигов. Он — инициативный субъект жизни и вплетен в общую картину не как жертва действительности, а как ее соавтор. Свой жизненный мир он творит сам, вкладывая в него энергию своей воли и страсти, соперничая и сотруidничая с богами. Это и есть, по Гегелю, основа эпической тотальности: герой действует не обособленно, а исходя из чувства своей укорененности во всеобщем бытии целого, говоря словами Вл. Соловьева — в качестве «индивидуализированного образа всеединства, которое неделимо присутствует в каждой из своих индивидуализаций»¹².

В восприятии Лукача эстетика Гегеля давала все основания для того, чтобы «эпическая тотальность» могла мыслиться в проекции на будущее. Если у Бахтина предметом эпопеи служит «абсолютное прошлое», то для Лукача эпический образ строится в эсхатологической перспективе спасения, а тем самым и в зоне контакта с актуальной современностью, представляющей собой процесс зарождения будущего. Как и у Бахтина, роман представляется Лукачу жанром, находящимся в процессе непрерывной самокритики и трансформации, но, по Лукачу, результатом развития романа должна стать стадия синтеза, «обновленная форма эпопеи»¹³: «Путь начат, путешествие завершено»¹⁴. Разорванному герою бур-

---

¹² Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль. Т. 2. С. 533.

¹³ Lukács G. Die Theorie des Romans. S. 167.

¹⁴ Ibid. S. 66. Ср. Тиханов Г. Бахтин, Лукач и немецкий романтизм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 130.

жуазного романа предстоит стать гармоничным героем об-новленного эпоса. Это произойдет, когда человек наших дней, искушенный всеми соблазнами индивидуалистического сознания, преодолет конфликт внутреннего и внешнего, идеального и реального в творческом акте реонтологизации своего «я».

Тотальность бытия, осмысленная как творческая задача преобразования распавшегося мира, представляет собой тот жизненно-творческий принцип, который определил содержание интерферирующих вариантов модернистской утопии — не только символизма и авангарда, но и соцреализма в его лукачианской трактовке.

Разбитое зеркало

Гегель навсегда сохранил для Лукача актуальность как последний философ, утверждавший, что мир находится под управлением Логоса, а человек является субъектом разума. Процесс дальнейшей, постгегельянской секуляризации европейского сознания был исследован Лукачем в книге «Разрушение разума». Следствием этого процесса явилось, по Лукачу, убеждение в том, что миром движет не разум, а чисто материальные энергии. Провозглашенная Ницше смерть Бога означала вступление разума в зону бессилия. Разум начал восприниматься как генератор иллюзий, человек — как объект приложения материальных сил, которые манифестируются в нем в форме бессознательных, неконтролируемых разумом влечений.

Книга о разрушении разума была закончена в 1954 г., но продумывалась она давно, и мысли, в ней изложенные, давно служили для Лукача источником неприятия всех пост-реалистических течений и авторов, знаменовавших, по его мнению, кризис и упадок буржуазного реализма, будь то натуралистическая школа во Франции или немецкий экспрессионизм, Франц Кафка или Джеймс Джойс. По Лукачу, все они — испуганные свидетели и невольные участники процесса дегуманизации культуры. Их темы — отчуждение и отчаяние, дисгармония и абсурд, деградация и разрушение

личности; их поэтика — поэтика разбитого зеркала, способного отразить лишь бессвязные фрагменты ускользающей реальности¹⁵.

Образ разбитого зеркала содержит, конечно, намек на Стендаля. В «Красном и черном» Стендаль сравнивал писателя с путешественником, который идет по большой дороге с зеркалом; если зеркало отражает не только голубые небеса, но и дорожную грязь, то винить в этом следует не писателя и не зеркало. В конце XIX в. это сравнение прочно вошло в литературную критику; так, рецензент «Вестминстерского обозрения», восхищаясь реализмом Толстого, замечал: «Дорожной грязи он не боится, для него в ней отражается небо»¹⁶.

О том, что после Толстого зеркало разбилось, писал в 1908 г. Горький. В «Разрушении личности» читаем: «Писатель — это уже не зеркало мира, а маленький осколок; социальная амальгама стерта с него; валяясь в уличной пыли городов, оно не в силах отразить своими изломами великую жизнь мира и отражает обрывки уличной жизни, маленькие осколки разбитых душ»¹⁷. Цитируя Горького, Лукач особенно подчеркивает метафору «социальная амальгама»¹⁸. В зеркальном производстве амальгамой называлось напыление особого состава, увеличивающее отражающую способность стекла. У Горького, пишет Лукач, зеркало реализма снова «оцельняется», на него снова наносится социальная амальгама, и в этом Горький возвращается к традиции классического реализма.

Бальзак утверждал, что искусство писателя в том, чтобы подставить под внешние, эмпирические факты жизни глубокий причинно-следственный ряд, создать для них прочную логическую базу. Эту логическую базу повествования Бальзак называл «вымыслом», т. е. тем, что художник привносит от себя. Вымысел — это для Бальзака не игра воображения, а результат познавательной деятельности художника, работы его мысли,

---

¹⁵ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. S. 289–290.

¹⁶ Decker Cl. Victorian comment of russian realism // Publications of the Modern Language Association of America. 1937. No. 2. P. 545.

¹⁷ Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24. С. 68.

¹⁸ См. ссылку 15.

воплощенной в образном строе романа. Вымысел, так понимаемый, и превращает роман в правду, в творческую истину¹⁹.

Одно из самых выразительных высказываний Горького, подтверждающих связь его творчества с реализмом Бальзака, гласит: «Миф — это вымысел. Вымыслить значит извлечь из суммы реально данного основной смысл и воплотить в образ — так мы получаем реализм»²⁰. Но характер «вымысла», обеспечивающего реалистическую правду Горького, с бальзаковским, согласно Лукачу, не совпадает. У Горького есть решающее преимущество — марксистское мировоззрение. В отличие от Бальзака, Горький владеет научным знанием тех законов общественной жизни, которыми обусловлена психология и судьба его героев. Благодаря этому социальная амальгама реалистического зеркала у него качественнее, отражение в нем ярче и правдивее, жанровый «сдвиг в направлении эпоса»²¹ решительнее и убедительнее. Только Горькому удастся до конца реализовать ту принципиальную особенность русского романа, которую ранний Лукач искал у Толстого и Достоевского: человек в нем — не инертный наблюдатель кризиса культуры, не пассивная жертва этого кризиса, а деятельный субъект житнетворчества, чья «творческая дерзость» направлена на овладение всей полнотой бытия²².

---

¹⁹ См. об этом: Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 270. Книга Реизова представляла собой часть широко разветвленного «бальзаковского дискурса» в марксистском литературоведении 1930–1940-х гг. На значение художественного метода Бальзака для советской литературы прямо или косвенно указывали М.А. Лившиц («Художественный метод Бальзака»), В.Р. Гриб («Мировоззрение Бальзака», «Бальзак о судьбе личности в буржуазном обществе»), Д.Д. Обломиевский («Бальзак»). Лукач посвятил Бальзаку значительную часть своей книги «К истории реализма». (М.: Гослитиздат, 1939).

²⁰ Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 312.

²¹ Lukács G. Der historische Roman. Berlin: Aufbau-Verlag, 1955. S. 381.

²² Lukács G. Die Theorie des Romans. S. 36.

Под знаком богостроительства

Марксистский анализ поэтики Горького на фоне бальзаковского реализма был дан Лукачем в статье 1936 г. «Человеческая комедия предреволюционной России». Лукач приходит к выводу, что главной темой Горького была эмансипация личности, пафосом всего его творчества — гуманистический культ человека. Современный человек, герой «человеческой комедии» Горького, — как бы ни был он угнетен, обезличен или внутренне разорван — находится на переходе от прошлого к будущему. Его социальное и метафизическое одиночество воспринимаются читателями Горького как «одиночная камера», как тюрьма, которую ему предназначено вскоре взорвать²³. Именно этим «Дело Артамоновых», история упадка одной буржуазной семьи, принципиально отличается от «Будденброков» Томаса Манна, а «Жизнь Клима Самгина», история распада личности, — от судьбы «человека без сердцевины» в драмах Ибсена. Вот почему так дорог Лукачу роман «Мать», где униженный несправедливой жизнью человек не просто осознает трагедию своей неволи, но и вступает в борьбу, которая внушает ему «чувство гордости смыслом личного бытия»²⁴.

Если Бальзак рассказывал о том, как мучительно утрачиваются иллюзии, то Горький — о том, как мучительно формируются идеалы. Общий смысл произведений Бальзака — утраченные иллюзии, общий смысл произведений Горького — «оптимизм без иллюзий»²⁵, вера в жизнь и человека вопреки всему, что это веру разрушает.

В эпоху Лукача тема кризиса и возрождения гуманизма решалась по-разному. С.Л. Франк, опровергая «натуралистический» культ человека, иронизировал над Горьким: «И если такой полуобразованный эпигон профанного гуманизма, как Максим Горький мог еще недавно написать хвалебный гимн человеку и наивно восклицать: «Человек — “это звучит гор-

---

²³ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin: Aufbau-Verlag. S. 300.

²⁴ Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 338.

²⁵ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. S. 291.

до!” — то читателю мыслящему и образованному естественно противопоставить этому недоумение: почему именно должно “звучать гордо” имя существа, принципиально не отличающегося от обезьяны, существа, которое есть не что иное, как продукт и орудие слепых сил природы?»²⁶. По мысли Франка, подмена христианской веры в абсолютную личность Христа суррогатом веры в грядущего сверхчеловека сближает Горького с Ницше. Подлинное же преодоление кризиса современной культуры невозможно иначе, чем через возврат к ее религиозным корням.

Но был и другой путь возрождения гуманизма — не отказ от материалистического мировоззрения, а его углубление на основе атеистической трансформации первоначального религиозного импульса. Этот путь складывался на орбите русского космизма, в частности в неомарксистской философии богостроительства²⁷.

Почему человек модерна перестает быть инициативным субъектом жизнетворчества и хозяином своей судьбы? Согласно теории богостроительства, это происходит не потому, что процесс секуляризации сознания зашел слишком далеко, а потому, что он еще не завершился. Он завершится, когда будет осознано, что между разумом и миром нет онтологического разрыва, человеческий разум — это продукт материальной природы, он призван проникнуть ее насквозь и стать ее властелином, ее богом-творцом в лице божественно совершенного человека. Так марксизм был провозглашен высшей формой религии, социализм — высшей стадией духовной развития человечества.

Горькому эта логика была, как известно, близка. В повести «Исповедь» (1907–1908) социалистический коллектив мыслится им по модели первоначальной церкви, где церковь — не институт, который удерживает верующих авторитетом и духовным принуждением, а живое внутреннее единство всех и

²⁶ Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 415.

²⁷ См.: Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 6–29.

каждого, кто творит в себе «Бога красоты и разума, справедливости и любви»²⁸.

Одним из свидетельств того, что идеи богостроительства сохраняли для Горького свое значение и после революции, служит его доклад «Советская литература» на Первом съезде советских писателей в августе 1934 г. — текст, который Лукач многократно и сочувственно цитирует. Центральный тезис горьковского выступления заключался в том, что соцреализм предполагает создание образов творимой жизни и человека-творца, богоравного, как герои античного эпоса. Геркулес, говорил Горький, — это «герой труда», и то, что в конце концов он был возведен на Олимп, в мир богов, можно представлять себе как своего рода модель героического мифа²⁹. Возродить его на новом этапе истории и предстоит советской литературе. Миф же не знает границы между *praxis* и *poiesis*, между прозой жизни и поэзией мысли. Это очень близко к программе создания «обновленной формы эпоса», намеченной Лукачем еще в «Теории романа».

В статье «Освободитель» (1936), также всецело посвященной Горькому, Лукач начинает с «рискованного» (по собственному его замечанию) сравнения Горького с Гете: подобно Гете, Горький был для своих младших современников не мэтром, а освободителем³⁰. Он учил не законам литературного мастерства, а тому, как делать искусство из жизни, а жизнь претворять в совершенное произведение искусства. Искусство соцреализма должно стать властью, преображающей человека, слово художника будет плотью нового мира. Таков, по мысли Лукача, смысл эстетического переворота, предначертанного Максимом Горьким. Его творчество, овеянное тем же духом утопии спасения, что и авангардистский проект, этот проект, как представлялось Лукачу, завершило. Актом завершения оно

---

²⁸ Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 9. С. 341. Ср.: Полонский В.В. Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков. История, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 70–72.

²⁹ Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 300.

³⁰ Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin: Aufbau-Verlag, 1952. S. 261–262.

явилось потому, что авангардистскому разрыву с наследием буржуазного гуманизма и традицией классического реализма XIX в. Горький противопоставил принцип их диалектического «снятия».

Верность своей теории соцреализма — теории, которую он создавал с опорой на Горького, — Лукач сохранил до конца жизни. Ни художественная слабость позднейших произведений советской литературы, ни идеологические споры марксистов, начавшиеся после смерти Сталина, на его эстетическую позицию почти не повлияли. Венгерское восстание 1956 г. Лукач поддержал, но теория «реализма без берегов» казалась ему изменой. Возможным объяснением его твердости мог бы служить постмодернистский принцип «praesentia-in-absentia»³¹, сформулированный в конце 1970-х гг., через несколько лет после смерти Лукача, Жаном Бодрийяром: «Нельзя желать отбросить видимость, потому что тогда моментально обнаружится отсутствие истины. Или отсутствие Бога. Или отсутствие Революции. Жизнь Революции поддерживается только идеей о том, что ей противостоит все и вся, в особенности же ее идейный двойник — сталинизм. Сталинизм бессмертен: его присутствие всегда будет необходимым, чтобы скрывать факт отсутствия Революции, истины Революции — тем самым он возрождает нашу на нее надежду»³².

Список литературы

1. Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. Л.: Наука, 1975. 184 с.
2. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с франц. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. 317 с.
3. Горький М. Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года. // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 337–354.

³¹ Smirnov I. Absentia-in Praesentia; Praesentia-in Absentia; Praesentia (Drei Epochen der neuesten Ideengeschichte) // Wiener Slavistischer Almanach, 76 (2015). S. 171–180.

³² Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. С. 115.

4. Горький М. Исповедь // Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 9. С. 217–390.
5. Горький М. Разрушение личности // Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 9. С. 26–79.
6. Горький М. Советская литература. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 27. С. 298–333.
7. Гройс Б. Русский космизм: биополитика бессмертия // Гройс Б. Русский космизм. Антология. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 6–29.
8. Леман Ю. Восприятие русской литературы между 1885 и 1918 годами // Леман Ю. Русская литература в Германии / пер. с нем. Н. Бакши, А. Жеребин. М.: Яск, 2018. С. 81–162.
9. Реизов Б.Г. Творчество Бальзака. М.: ГИХЛ, 1939. 412 с.
10. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев Вл. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 493–547.
11. Тиханов Г. Бахтин, Лукач и немецкий романтизм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 117–142.
12. Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 405–470.
13. Decker Cl. Victorian comment of russian realism // Publications of the Modern Language Association of America, no. 2, 1937, pp. 502–555.
14. Gerigk H.-J. Georg Lukacs und Hegel. Anmerkungen zur «Theorie des Romans». Heidelberg: Mattes Verlag Publ., 2018. 46 S.
15. Lukács G. Der Briefwechsel zwischen Anna Seghers und Georg Lukács, Probleme des Realismus. // Lukács G. Probleme des Realismus. Berlin: Aufbau-Verlag Publ., 1955, S. 241–270.
16. Lukács G. Der historische Roman. Berlin: Aufbau-Verlag Publ., 1955. 395 S.
17. Lukács G. Der russische Realismus in der Weltliteratur. Berlin: Aufbau-Verlag Publ., 1952, S. 261–309.
18. Lukács G. Die Theorie des Romans. Ein geschichtsphilosophischer Versuch über die Formen der großen Epik. Berlin: Paus Cassirer Publ., 1920. 544 S.
19. Lukács G. [Rez.]. Th. G. Massarik. Zur russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. 2 Bde. Jena: Eugen Diederichs, 1913 // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1914. Vol. 38, no. 3. S. 871–875.

20. *Lukács G.* [Rez.]. W. Solovjeff. Die Rechtfertigung des Guten. Ausgewählte Werke. Bd. 1–2. Jena: Eugen Diederichs, 1916 // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1916. Vol. 42, no. 3. S. 978–980.
21. *Smirnov I.* Absentia-in Praesentia; Praesentia-in Absentia; Praesentia (Drei Epochen der neuesten Ideengeschichte) // Wiener Slavistischer Almanach. 2015. No. 76. S. 171–180.